

Алморфизм

В.И.И.

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

20

**Вологда
2002**

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	3
Т. Лавтакова, Н. Адлер и др.	3
В МИРЕ РУБЦОВА	10
Музей поэта	10
Рубцов в Сургуте	10
А. Лебедева	12
В. Белков	14
ИЗБРАННОЕ	17
Михаил Григорьев	17
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	19
Александр Ципко	19
Юрий Буйда	21
Отзыв об «Автографе»	21
Книжная полка	23
КОРОТКАЯ ПРОЗА	24
А. Грязев	24
Ю. Максин	26
А. Дубинин	27
ПЕРЕВОДЫ	29
Александр Русанов	29
ПАМЯТЬ	31
Вспоминая Учителя	31
ГРАФИКА	34
Любовь Швецова	34

III.

Простите
мёртвому
грехи,
его ведь больше нет.
Плетнём словесной чепухи
не заслоняйте
свет.
Не надо
пыль
былых обид
напрасно поднимать.
Любая пыль глаза слепит,
её удел —
лжжать.
Она
осядет
всё равно.
А ваш скандальный брех
про то, как пил поэт вино,
по сути — тоже
грех.

Александр ПОШЕХОНОВ

КРУГ

Война и мир, разруха и покой
Свои имеют сроки и границы.
Истории нетленные страницы
Всегда у Провиденья под рукой.

Нам ничего не надо воскрешать
Искусственно,
Всё самовоскресимо,
Всё и живёт и действует незримо,
Тут главное — понять и не мешать.

И заповеди мудрые Христа,
И чудный свет небесный Кологода
Нам говорят о том,
Что Суть чиста,
Что славен Род
И царственна Природа,
Что вечен круг земного бытия —
Но дуновенье ветра жизнь моя!

Альфред ХОХРЯКОВ

Я живу, как могу,
Здраво жить не с руки.
Время не берегу,
Трачу на пустяки.

Позовут — побегу,
Не зовут — постою.
Я живу как могу,
Не вливаясь в струю.

Вижу сны наяву,
Их в себе берегу...
Как могу — так живу,
А не жить не могу.

г. Череповец

Сергей ПИМАН

Выйду во поле,
Во широкое,
Руки лодочкой сотворю,
Крикну весело,

Что есть силушки —
Вольный голос
Боготворю!
И поднимется
Он задиристо
В вечно грозную высоту —
И раскатится
Крик величество
Эхом,
Падая в красоту.

Юрий ПОДОЛЬСКИЙ

* * *

По какому ветру
мы развеяли,
По какой дурной воде
пустили
То, во что еще недавно
верили,
Что еще недавно
мы любили?
В спорах злых
мы зря искали истину —
В них всегда
обида побеждает!
Жизнь рассудит,
выдаст нам амнистию.
Только никогда
не оправдает!

Владимир КОКОВЦЕВ

* * *

Бежит по городу трамвай.
Гремит железом.

Садись в него. Не унывай.
Тебе полезно.
На пике вечной суеты
Минута вышла
Подумать о мечте мечты
И о Всевышнем.
Под мерный, громкий перестук
Лениво думы
Шевелят, не имея рук,
Итоги, суммы.
Прожитых и забытых лет.
Но все едино:
Коль не понравится ответ.
Проедешь мимо...

Любовь КОВАЛЕВА

* * *

Не сдавалась в мас стужа,
Снег под елями лежал.
Лишь в конце, на радость лужам,
Дождик в ливень возмужал.

Из пузатой хлынул тучи,
Лился, шпарил, надавал,
Мощный, любящий, кипучий,
Землю страстно целовал!

Щедро влагою насытил,
Чтобы оплодотворить,
Чтоб ядрёно, точно сбить,
Колос мог заговорить;

Чтобы всякости съестные
Нас спасали от журьбы:
Бахчевые, овощные,
Фрукты, ягоды, грибы!

уже покажется не жуток,
зане положен между тьмой
и светом чёткий промежуток
листа, исписанного мной.

И дух мой, бывший не у дел,
нечистым помыслам предел
кладёт, пройдя страстей горнило.
(Высокий штиль для вас смешон?)
Ещё не высохли чернила,
а я из мёртвых воскрешён.

1997

Илья КОРНЕВ

В руках билет. На сердце бред.
В душе усталость.
Все чувства сведены на нет...
Любовь за облаком осталась.

Ей безразличны все мечты,
Слова напрасны.
Я согласился с ней почти,
Вот что опасно!

Уходят солнечные дни
Сиреневого мая.
Кричаще странно:
мы — одни...
Любовь слепая

Не верит, что на свете есть
Нам маяки другие...
Спасибо за благую весть —
Мы не святые.

Владимир ХЛОПУШКИН

Куда ни погляди,
Кругом одна нуда.

Налью-ка я
Еще стаканчик виски.

Эх, где ты, Хиллари?
Гони, давай, сюда!

Мы отомстим ему
За Монику Левински!

Хорошо
Смеется тот,
У кого в Женеве
Счет.

Елена ТРЕТЬЯКОВА

Я для тебя живу, тебе молюсь,
Так сладко и мучительно
любить!
Я ничего так в жизни не боюсь,
Как потерять тебя или забыть.

Мой мир, моя планета —
это ты.
Я солнце вижу лишь в твоих глазах,
Нет в мире совершенной красоты
Ни на земле, ни даже в небесах.

Прошу тебя, верни мне солнце вновь,
Будь милосердна к любящим,
любовь!

Наталья АДЛЕР

* * *

О наступающая явь,
Весенняя буза — сумятица!
Лучами острыми буравь
Земной покой, пока не скатится
Осевший, в омут с головой,
Твой лед под валуны лежащие,
Лучистым посохом-клюшкой
Расколоти снега молчание!
И напои нас добротой —
Как почкам высохшим веление —
Пошли свое благословение
Нам, одержимым суетой!
Покровом солнечным сияй,
Усталость усмири заранее...
И духу на два срока дай
Молитвы свет и покаяние.

Александр КРУГЛИКОВ

* * *

Трудно дышать. Распахну окно.
Пламя свечи качает ветер.

Наступит день. Мгновенье одно.
И я умру. Как и всё на свете.

Пламя свечи дрожит на ветру.
Ветра порыв неосторожный —
Оно погаснет.
И я умру.
Закреть окно?!

Задохнуться можно.

Татяна ЛАВТАКОВА

Сквозь времечко просею
И радость, и беду.
К тебе, мой лучезарный,
Я чистая приду.

Как свечечка сгораю,
Ты только не задунь.
Безропотно растаю
Я от сердечных дум.

И пусть струится пламя,
И тает воск души.
Без жалости растаю
И растворюсь в тиши.

Сгорела — что за дело.
Тепло тебе, родной?
Я облачком взлетела,
Смотри, над той сосной.

Нет ни беды, ни боли,
С тобою вместе вновь.
И на земле, как в небе
Лишь воля да любовь.

Михаил КОНИЧЕВ

* * *

Размыты дождевые краски
Осенних плачущих картин.
Земля под слоем желтой маски,
И Ветер, черный господин,
Один гуляет по бульвару,
И в парке на скамйку сев,
Из струй дождя, как из гитары,
Он извлекает свой напев.
Над городом взлетают птицы,
Неся свой крик в голубизну.
И льются, льются по окну
Узоры дождевого ситца.

Не видно звезд, в душе темно,
И ночь — во взглядах за окно...

г. Сокол

Александр КЛИМОВ

* * *

Писем нет, а значит грустью
Полон весь мой белый свет.
Я иду с досадным чувством,
Весь в уныние одет.

Блекнут яркие одежды.
Звёзды больше не блеснут.
Под обломками надежды
Силы тайные верну.

Сердце прятаться не станет
От возможностей для встреч.
Встрепенётся, коль поранит
Незнакомки скромной речь.
Сердце созданное верить,
Ждать, надеяться, любить,
Для любимой в душу двери
Без утайки отворит.

г. Сокол

Леонид ЛЕБЕДЕВ

* * *

Шагает Ельцин по Тверской
В кроссовках, с загородной дачи.
Навстречу — нищий, горько плачет,
И просит жалобно, с тоской:
— Подайте милостыню, сэр,
Я пожелаю вам удачи!
— Ведь мы живём не в СССР:
Могу ракетку дать и мячик!

г. Череповец

МНЕНИЯ:

«В. Брюсов — ошибка раннего поколения. Напыщенный поэт, холодный и еще хуже прозаик... Ошибка позднего поколения — Шкловский. Мы принимали его трескотню за остроумие, блеск и воображение».

А. Ахматова

МУЗЕЙ ПОЭТА

1 сентября 2002 года в Москве в библиотеке № 95 открылся культурный центр и музей Николая Рубцова. Адрес — ул. Дм. Ульянова, 3.

Музей создан на основе частных пожертвований почитателей творчества великого русского поэта. Собирает и основатель музея — М. А. Полётова.

В центре и музее будут проводиться экскурсии, встречи, конкурсы, презентации книг. Центр и музей Рубцова, надеемся, внесут важный вклад в культурную жизнь Москвы и всего нашего народа.

Собств. инф.

РУБЦОВ В СУРГУТЕ

Рубцова в Сургуте любят давно. Его поэзией увлечены многие сургутяне. Привезли сюда в молодости по комсомольским путёвкам либо просто по зову сердца, они привезли с собой увлечения, прежде всего поэзией да песней под гитару. Что же ещё поднимет боевой дух или успокоит душу после тяжёлого трудового дня? Песни на стихи Николая Рубцова складывались легко и звучали часто в узком кругу друзей. Но однажды решили организовать вечер памяти поэта. Произошло это в далёком 1988 году в маленьком посёлочке под Сургутом Ново-Фёдоровский, который гремел тогда на всю страну высокими показателями нефтедобычи. Вечер длился долго. Читали любимые рубцовские строки, много пели песен, прежде всего сами организаторы вечера председатель поссовета Селиванов Б.Н. и начальник нефтегазодобывающего управления «Комсомольскнефть» Резяпов А.Ф. С тех пор так и повелось — 19 января Рубцовский вечер или, как поначалу называли участники встреч, Рубцовские чтения. Из года в год собиравшийся расширявшийся круг почитателей творчества замечательного русского поэта, но теперь уже в Сургуте. Проходили встречи то в библиотеке, то в детском саду, то в школе, то в Доме журналистов, но связь не прерывалась.

За многие годы встреч установилась переписка и дружеские связи с Рубцовскими центрами Санкт-Петербурга, Вологды, Москвы, Дзержинска и других городов России. В сотрудничестве с Санкт-Петербургом ещё в середине 90-х годов прошлого века родилась идея издания сборника «Венок Рубцову». В подготовку включился

как и сам составитель сборника С. Сорокин — руководитель Рубцовского центра Санкт-Петербурга, так и его сургутский коллега С. Лагерева, который собирает архив о жизни и творчестве поэта с 1985 года. Но увидел свет сборник лишь в 2001 году к 65-летию юбилею поэта на Сургутской земле, благодаря финансовой поддержке Департамента культуры, молодежной политики и спорта Администрации г. Сургута. Работа над сборником шла легко. В ней участвовали сургутские художники, библиотекари, журналисты, филологи. «Венок Рубцову» был разослан по всей России, более чем тридцати адресатам. Сургутяне получили множество откликов на сделанный подарок. Вот некоторые из них. Елена Иванова, филолог из Москвы написала: «Выход книжки «Венок Рубцову» — действительно большая радость для ценителей рубцовского поэтического таланта. Не все стихи сборника равноценны по степени художественного совершенства, однако искренняя любовь к Рубцову и его творчеству звучит в каждом из них». «Сегодня получила бандероль с чудесным «Венком Рубцову». Я в восхищении! Всё сделано с такой любовью, что не выпускаю томик из рук... Звезда поэзии Рубцова продолжает нести свет людям», — откликнулась Нинель Старичкова из Вологды. Прислала письмо и дочь поэта Елена Рубцова, с которой у сургутян установились тёплые отношения. Она пишет: «Я благодарю вас за внимание к нам, за подарки из Сургута, за работу, которую вы делаете».

Тогда же в январе 2001 года в Сургуте были организованы «Рубцовские вечера». Три дня длился праздник поэзии Николая Михайловича. Открывшись 23 января в Доме культуры «Строитель», он перекочевал на следующий день в сургутский государственный педагогический институт, а затем на сцену Центра искусств. Каждый из дней был своеобразен по-своему. В первый день звучали песни на стихи Рубцова, а приехавшие издалека участники прежних встреч были очень рады увидеться вновь в тёплых волнах рубцовских мелодий. В институте были Чтения, на которых студентами и педагогами этого учебного заведения были сделаны доклады по творчеству замечательного русского поэта. А в заключительный день артисты сургутского музыкально-драматического театра сделали замечательную постановку на стихи Рубцова, после которой были вручены дипломы и премии победителям городского конкурса «Звезда Рубцова». Ими стали: Н. Куваева, И. Луговая, В. Герасев.

А накануне, как всегда, 19 января собрался узкий круг участников постоянных встреч в Доме журналистов, для того, чтобы вспомнить поэта и попытаться поговорить с ним посредством своих стихов и сочинённых песен. «Диалог с Рубцовым» удался, поскольку каждый из участников смог подарить Рубцову тепло души, заложенное в собственном творчестве. Там же была организована выставка из частного архива С. Лагеревы «Отчизна и воля, останься моё божество!» На ней были представлены фотографии Н. Рубцова, автографы Рубцова, прижизненные издания стихов поэта, вырезки из газет и журналов из различных городов, книги.

Праздник закончился, но не остановилась работа. После проведения его родилась идея создания некоего центра, который мог бы активно участвовать в литера-

турной жизни города. Им стал городской общественный фонд развития российской словесности. Появилось в нём и Рубцовское отделение. Дел предстоит ещё впереди немало. Есть возможность завершить сбор материалов о брате Николая Рубцова — Альберте, сведения о котором нашли сургутяне во время подготовки «Рубцовских вечеров». Установлено, что он похоронен в с. Горнослинкино Уватского района Тюменской области. Хочется собрать как можно больше об этом материала и, может быть, заполнить неизвестные страницы из жизни великого поэта.

Казалось бы далёкий северный город и Рубцов, какая взаимосвязь? Но по прошествии многих лет можно сказать, что прямая. Потому, что где бы мы не жили, мы живём в России. А поэзия Рубцова для неё.

*Анжелика Давыдова
г. Сургут*

ДАВАЙТЕ СПОЕМ

Своими воспоминаниями я хочу присоединиться к кампании в защиту чести и достоинства светлого имени Николая Рубцова.

Моё знакомство с ним произошло, к сожалению, незадолго до его трагической гибели. В первых числах января 1971 года, захватив бутылку хорошего вина, я пришла к своим друзьям Энгельсу Алексеевичу и Александре Разумовне Федосеевым поздравить их с Новым годом. Они проживали тогда по ул. Пушкинской, д. 47, в 3-х комнатной квартире, одна из комнат была занята под кабинет Э. А. Федосеева — журналиста радио. Мы разговаривали с Александрой Разумовной, я думала, что Энгельс Алексеевич присоединится к нам. «У него гость», — сказала Шура. Кто — я не стала любопытничать. Темнело, нужно было идти домой, Шура пошла меня проводить, я уже стояла в шубе и модной по тем временам шапке из чернубурки, когда из кабинета Федосеева вышел мужчина среднего роста, лысоватый, учтиво поклонился, я ответила на приветствие. «Какая женщина интересная», — сказал он. Я улыбнулась в ответ и продолжала разговаривать с Шурой. Тогда этот мужчина подошёл к нам и обращаясь к хозяйке дома сказал: «Александра Разумовна, познакомьте нас». Я подала ему руку, назвала своё имя, он ответил: Николай. «Побудьте с нами», — сказал он. Я отказалась, объясняя, что дома ждут. Николай направился в кабинет, но вдруг повернулся, обращаясь ко мне, сказал: «Вы не любите стихи?» Я ответила: «Почему это? Я люблю стихи. (Я тогда увлекалась творчеством С. Есенина)». «Не хотите послушать?» «Хочу, конечно», — ответила я, скидывая шубу. «Да кто этот Николай?» — спросила я Шуру. «Рубцов», — ответила она.

В кабинете был накрыт стол, стояла бутылка вина, закуска. На письменном столе лежала книжка «Душа хранит», видимо Рубцов принёс её в подарок. «Это ваша книга?» — уточнила я. «Да, — ответил он, но её сейчас уже не купить». Самонаде-

янный товарищ, подумала я. Взяла книгу и хотела её посмотреть, Николай быстро подошёл и негромко сказал: «Не надо сейчас читать». «Можно я полистаю? Я не читала ваших стихов». Он молча отошёл. Я открыла книжку и прочитала: «Меж болотных стволов красовался восток огнеликий. Вот наступит октябрь и покажутся вдруг журавли...» Меня как будто молнией пронзило, я едва опомнилась от этих строк. Вот это да, откуда он взялся и почему я его раньше не читала, подумала я. Ведь были встречи с Викуловым, читала Фокину, Яшина, А. Фоманова. Видимо, всё-таки его мало печатали, а может, за занятостью (работа, семья) пропустила. Энгельс Алексеевич попросил Николая почитать стихи. В разговоре я сказала (что было неучтиво с моей стороны), что у поэтов не очень-то интересно получается чтение своих стихов: как-то монотонно, заунывно. Рубцов сказу же возразил: «Вы не правы, только поэт может выразить то, что он чувствует, что заложил в них». И я действительно оказалась не права. Читал он превосходно, выразительно, ходил по комнате, жестикулируя рукой. Несколько раз повторил: «Как жаль, что нет инструмента», видимо хотел спеть. Федосеев обратился к Николаю: «Коля, почитай ещё». Нет, как отрезал, ответил Рубцов и подошёл ко мне «Давайте споём с вами песню». «Давайте», — несколько легкомысленно ответила я, не предполагая что он предложит. Наивно думая, что будем петь наши старинные русские песни, или какую-нибудь современную. И всё-таки спросила его, какую песню будем петь? Рубцов кивнул на свою книжку и сказал «А вот, «В горнице». Я изумлённо на него посмотрела: «Как же мы будем петь, ведь я ни текста, ни мелодии не знаю? Хорошо, стихи прочту в книжке.

Он молча смотрел на меня, слегка улыбаясь. «А давайте споём, стихи ваши, а музыка будет народная», — сказала я. Рубцов негромко начал: «В горнице моей светло, это от ночной звезды». Я быстро уловила мелодию и мы до конца допели всю песню. Николай был очень доволен, улыбался, глаза уже были не такие грустные. Но всё хорошее заканчивается. Нужно было идти домой, я встала, прощаясь. Николай быстро подошёл ко мне. «Вы замужем?» спросил он. «Да, конечно» ответила я. «А кто ваш муж?» «Да вот Энгельса Алексеевича друг», — отвечаю. «А всё-таки, настаивает Рубцов, где он работает?» Сказала, где работает. Мне показалось, что он погрузился, мы попрощались.

На другой день Шура мне позвонила: «Таня, Рубцов в тебя влюбился, какая женщина, какая женщина — повторяя несколько раз. Я ей сказала, что ему понравился, видимо наш дуэт. А стихи его — превосходные.

Хочется отдельно сказать об этой семье, здесь Рубцов всегда находил чистую постель и еду. Непривыкший, видимо, к элементарному уюту, он говорил, когда Шура стелила ему постель, Александра Разумовна, зачем так чисто? Если других выпивох Шура быстро выпроваживала, то Николай Михайлович всегда находил приют, был всегда вежлив и корректен. Однажды, рассказала мне Шура, я открыла дверь на звонок, это был Рубцов, перешагнул порог и упал в обморок, перепугалась, побежала за Федосеевым (он был у соседей), вызвали скорую помощь, оказалось, что у

Рубцова голодный обморок. Он не ел несколько дней, его обокрали в Ленинграде.

Книгу «Душа хранит» я всё-таки купила и зашла к Федосеевым, подумала, если Николай Михайлович у них, то попрошу подписать. Но его не оказалось.

Федосеев был хмур: «Ты что это? Сказал он мне. Я не поняла, спрашиваю, в чём дело? Федосеев продолжает: «Что это Рубцов всё о тебе и о тебе?» «Значит, я ему понравилась», — отрезала я, и ушла.

У меня была мысль пригласить в гости Федосеевых и Н. М. Рубцова, послушать его прекрасные стихи и песни. Но не привелось.

В тот вечер у Федосеевых он был один, убийцы его не было и не хотелось бы о ней писать, но раздражает и возмущает то, как пытаются её обелить и даже оправдать.

Я не смогла быть на похоронах Н. М. Рубцова, позвонила Федосеевым, почему не сказали? Ответили, что «мы все в шоке», да, видимо, и не только они. Сейчас, я думаю, он остался живым у меня в памяти, светлым явлением в моей жизни, приобщил меня к своей поэзии. Стоит в белой рубашке, ворот расстёгнут и говорит: «Давайте споём с вами песню».

*А. М. Лебедева
июль 2002 г.*

Вячеслав БЕЛКОВ

РУБЦОВ ДАРИТ «ЛИРИКУ»

Известно, что Николай Рубцов не очень любил свою первую книжку «Лирика». Издательство опозорилось, выбросив из рукописи поэта десятки прекрасных стихотворений. Позднее эти стихи составили основу московской книги «Звезда полей», которая прославилась Рубцова на всю страну.

Вот передо мной «Лирика», эта тоненькая невзрачная книжка. Она была подписана к печати в сентябре 1965 года, и вскоре вышла в свет. Редактором книги был архангельский стихотворец А. Левушкин. Он постарался, чтобы книга получилась слабой, надо же бороться с талантливым конкурентом. Например, в книжку вошло несколько не очень удачных стихотворений, которых позднее автор стал стыдиться, зачеркивал их.

Теперь мы уже не узнаем, сколько книжек Рубцов подарил своим друзьям, сколько подписал читателям. В собрании сочинений поэта в 3-х томах, которое недавно увидело свет, приведены три дарственные надписи на «Лирике». Причем надпись на книге Феликсу Кузнецову процитирована неполностью. Полностью она звучит так: «Дорогому другу Феликсу Кузнецову. Счастье — это радость. Радость — это мо-

АВТОГРАФ

Из письма Н. Е. Гаврилиной в Череповец Н. Л. Деревягиной

Да, Надежда Леонидовна, Валерий
Александрович работал последнее
время на Рубцовке, но все, что
он сочинил, а сочинил он немало
- он унес с собой. Так как
система его работ была
такова, что пока он считал
сочинения не законченными —
он его не записывал.

За 2 дня до его ухода он израл
Нелс Беллским "Рубцовский
вызов", издательский. А его
сфоссея! А ты записал его?

- "Нет, там еще нужно кое-что
сделать в диктате".

Кто мог знать, что осталось
мне еще 2 дня. Он и сам
это не знал.

Конечно. Больше не могу сказать.
Мне же. Но впереди в Череповец. Все.

М. ГРИГОРЬЕВ

Луга и спящие деревни
В реке молочной утонули,
И лишь макушками деревья
Торчат, как будто в карауле.
А небосвод перед рассветом
В румянце лёгком пробуждён,
Мир в ожидании заветном
Мгновенья чуда — дня рожденья.
И вот над сизым гребнем леса
В бессчётный раз, но как впервые
Из нежно-голубого теста
Огонь краюху хлеба выел.
Пред ликом сил животворящих

Ничёмным суетное мнится,
И красоту душа обрящет,
Когда к ней трепетно стремится.
Проснулись чуткие деревни,
Реки молочной след растаял...
Мир, восхитительный и древний,
Страницы вечности листает.

Лунный свет наполнил двор
Трепетным очарованьем,
Светляков согласный хор
Всерн своему призванью.
Спит округа под шумок
Разворчавшего ветра,
Лишь далёкий костерок
Вздрагивает горсткой света,
Да в прибрежных камышах
Выясняют что-то утки —
Мира Божьего душа
Не замрёт ни на минутку:
То звезда падёт во тьму,
Заполошно вскрикнет птица —
Ведь не мне же одному
В час полуночный не спится
Под шатром в узорах звёзд
Восхитительно-пьянящих,
Сотканном из лунных верст,
Вечным таинством манящих.

Чудесна ночь — и не до сна,
стихи вином ядрёным бродят
в душе — она пьяным-пьяна

на пире радостном природы.
Прекрасен день, а ночь — в сто крат,
в мехах, распахнутых изящно,
что лунным холодом горят
в морозной тишине звенящей.
Свет очистительный испив,
величием красоты богатый,
осилю, страх не ощутив,
дорог житейских перекаты.

* * *

Не ледени ты душу, ветер,
и без тебя охочих много,
не радость будит на рассвете,
а беспросветная тревога.
У мира вырвали опору,
по будням путь, как по трясине,
смерд всесжирающих раздоров
загородил свет Божьей сини.
И уж без мук впадаем в скотство,
горой гордыня выпирает,
порядочность и благородство,
оплёванные, вымирают.
Напрасно всё: глагол пророков,
и кровь, и муки поколений,

златой троянский конь порока
поставил снова на колени?
Как будто срок последний брани,
когда исход давно оплачен...
Ну что ты, ветер, душу ранишь,
она и так скорбит и плачет.

* * *

Нас ждёт земля. А мы по городам,
потомки изведённого крестьянства,
лишь смутно помним: наши корни там,
обрубленные волей окаянства,
где души убиенных деревень
на сквознях в осиротевших храмах
смирненно молят, чтоб прозренья день
вернул скорей сынов из плена Хама
в края, где уж не косятся луга,
где ждут поля для материнства семья...
Себя сгубить — не надобно врага,
лишь сыр бесплатный возлюбил
на время.

Пока ж, как мать, забывшая покой
в разлуке с неразумными сынами,
единственная, нет у нас иной, —
нас ждёт земля, заброшенная нами.

МНЕНИЯ:

Илья Садофьев о Есенине: «В его лице потерял один из крупнейших талантов современности и, пожалуй, последний в прямом и буквальном смысле слова — национальный поэт».
29 декабря 1925

Александр ЦИПКО

КТО УГРОЖАЕТ СОЮЗУ

Ведущий программы «Свобода слова» на НТВ Савик Шустер — великий мастер телевидения. Мастерство его, правда мастерство мрачное, состоит в том, что он заставляет зрителя увидеть то, чего нет в кадре, заставляет прийти к той единственной возможной мысли, которая навсегда поселяется в мозгах.

И достигает он этого эффекта неотвратимого внушения очень простым методом. Он рассказывает экспертов таким образом, подбирает на эту роль такие лица, что даже, если бы они не сказали ни одного слова, все равно ясно — кто с кем, почему и за что он борется.

Если бы я был каким-нибудь «кремленологом» из Вашингтона или Парижа, то я бы изучал ситуацию в России и ее перспективы прежде всего по пятничным шоу Шустера. Наверное, нашим либералам кажется, что он работает на их партию, что он утверждает в своих телеспектаклях их правду о России. Но чем больше я наблюдаю за тем, что делает Шустер, тем больше укрепляюсь во мнении, что сам он давно уже стоит по ту сторону русского добра и зла.

Поразительно, но в передачах либерала Шустера самыми неубедительными и ненатуральными выглядят герои либеральной партии. Но и «государственники» в его программах, при всей их несокрушимой правде, выглядят обреченными. Савик Шустер открывает нам дьявольскую правду о какой-то нашей несостоятельности. У него и либералы, и коммунисты выглядят как политики без стержня, без будущего. Наиболее тяжелое впечатление в шоу «Свобода слова» оставляют выдвиженцы новой партии власти.

Сам тот факт, что союз России и Белоруссии, союз территорий, которые еще десять лет назад составляли сердцевину государства, союз народов, которые практически говорят на одном языке, связаны и кровными, и историческими узами, союз народов, который является велением сердца и острой необходимостью, является предметом дискуссии, говорит о том, что мы ненормальная, большая страна.

Нигде в мире, тем более в Европе, в США, не являются предметом спора и дискуссии откровенные национальные интересы. Ведь очевидно, что Россия, которая является остатком империи, не имеет будущего, если она не будет проявлять реинтеграционные усилия. Ведь очевидно, что если Россия будет руководствоваться той же логикой самоуничтожения, которую она проявила во время распада СССР, если она будет отталкивать от себя Белоруссию, то она просто обречена. Не надо обладать даром пророчества, чтобы не видеть, что, как только Белоруссия вслед за Укра-

иной пойдет на Запад, нам конец. Символом этой гибели государства будут войска НАТО, размещенные на границе под Смоленском.

Ведь очевидно, что объединение территорий человеческого и интеллектуально-го потенциала нынешней России и Белоруссии только увеличит наши исторические потенции. Что Белоруссия является для нынешней России самым удобным коридором на Запад. Что как только Белоруссия закроет нам границы, да еще и совершит эту акцию вместе с Украиной, то мы просто окажемся новым азиатским гетто. Что союз с Белоруссией обеспечивает нам старые, надежные границы на линии Бреста.

Сам тот факт, что у коллективного оппонента этого союза в лице и депутатов, и лидеров СПС существует возможность бороться с этими очевидными преимуществами союза Белоруссии и России, говорит: что-то абсурдное заключено в устройстве нашей нынешней политики.

Наблюдая и даже участвуя в полемике между врагами и сторонниками государственного союза России и Белоруссии, я вдруг отчетливо осознал, что никогда не будет у нас национального согласия и гражданского мира. Раскол и в мыслях, и в чувствах, и в настроениях между теми, кто сидел против Лукашенко, и теми, кто сидел за его спиной, так велик, что на самом деле мира у нас не будет. И самое страшное, что реальная политическая сила за теми, кто называет белое черным, кто откровенно борется с Россией, откровенно добивает ее.

«Правда состоит в том, что противниками союза России и Белоруссии являются все те, кто еще десять лет назад добивался распада СССР. И вполне понятно, что люди не хотят упускать из рук свою победу, что они никогда, ни при каких условиях не допустят воссоздания того, что им удалось разрушить. Тем более что они — победители — на самом деле являются и судьями, и прокурорами в нашей несчастной стране. А те, кто пытается им сопротивляться, кто видит мир нормальными глазами, говорят об очевидном, о правде каким-то извиняющимся, чуть ли не заискивающим тоном.

И самое удивительное. Прошло более десяти лет после распада СССР. Но те уловки, при помощи которых наши «демократы» соблазняли русских идеей суверенитета, идеей сбрасывания «лишних территорий», работают до сих пор. В начале 90-х они доказывали, что от природных богатств Туркмении и Казахстана мы беднеем, а потому должны оставить эти республики в покое... Поистине — русские верят только в то, что абсурдно. Теперь им внушают мысль, что десять миллионов белорусов, которые и работают хорошо, и преданы нам, будут нам обузой. Раньше они, «демократы», а теперь «либералы», активисты СПС, занимались дьяволизацией «номенклатуры», живописали аппаратчиков как «убийц», «воров» и «насильников». Теперь они дьяволизуют выбор большинства белорусского народа и живописуют Лукашенко как «убийцу», «насильника» и «врага демократии».

И самое последнее. Присутствуя на этой передаче, я вдруг осознал, что, по большому счету, белорусам при их достоинстве и гордости не нужна современная Россия. Зачем белорусам Россия, где правят враги и российской государственности, и российского народа? Конечно, Лукашенко некуда деваться, ему нужен и русский рынок, и русская политическая крыша. Но, наблюдая за ним во время передачи, за его неожиданными признаниями, я вдруг увидел, что в душе он уже давно разочаро-

вался и в России, и в союзе с ней. Конечно, эта игра в союз будет продолжаться, но при нынешнем раскладе сил в России все скоро кончится.

В принципе Россия, в которой задают тон «либералы», которых подобрал для передачи Шустер, где имеют слово откровенные демагоги типа нашего писателя «пен-клубовца» Александра Ткаченко, не нужна и нам самим.

Вот такие тяжелые мысли внедрил в мое сознание мастер раздевания русской политической реальности.

Юрий БУЙДА

О ЦЕЛИ И СРЕДСТВАХ

Пастернак лжет, утверждая, что «цель творчества — самоотдача». Пушкин полагал, что «цель поэзии — поэзия» (а «поэзия выше нравственности»). Самоотдача может быть одним из средств — тут ум выбирает, который, по словам Достоевского, «подлец, виляет и прячется». Можно и вовсе увильнуть в банку с пауками и спрятаться. Протопоп же Аввакум предлагал поэту иное: «А в огне том здесь небольшое время терпеть, — аки оком мигнуть, так и душа выскочит. Боишься пеши той? Дерзай, плюнь на нее, не бойся! До пеши той страх; а егда в нее вошел, тогда и забыл вся. Егда же загорится, а ты увидишь Христа и ангельския силы с Ним, емлют душу ту от телес и приносят ко Христу: а Он-Надежа благословляет и силу ей дает божественную, не уже к тому бывает, но яко восперенна, туды же со ангелы летает, равно яко птичка попархивает, — рада, из темницы той вылетела». Такая «самоотдача» иначе называется.

Незадолго до самоубийства Всеволод Гаршин писал другу: «Хорошо или нехорошо выходило написанное, это вопрос посторонний; но что я писал в самом деле одними своими несчастными нервами и что каждая буква стоила мне капли крови, то это, право, не будет преувеличением». Одной кровинкой Гаршина держится и уже оправдана русская словесность. Мы вообще не вправе доверять высказываниям вроде того, что сочинитель пишет чужой кровью, как выразился О. Генри: он имел в виду технологию литературы, ту часть мастерства, которую можно свести к некоторому набору приемов, только и всего, — а это еще не вся литература.

Искусство должно войти в мир, но горе тому, через кого оно входит.

«Блажен извол сей о Господе». Аввакум.

Татьяна ЛАВТАКОВА

ЧИТАЮ «АВТОГРАФ»

Семь нот, семь дней... Магическое число распространяется и на литературно-художественный журнал «Автограф»: передо мной семь разноцветных книжек — знакомство с изданием началось с юбилейной, с той, которая под номером 10.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«Вологда глазами юных», альбом, Вологда, 2002. Стихи и рисунки школьников. Предисловие мэра Алексея Якуничева и писателя Вяч. Белкова. Редактор — Виктор Плотников.

Ст. Куняев «За горизонтом старые друзья» (о Вадиме Кожинове), журнал «Наш современник». № 7, 2002. Есть также о Рубцове и Белове.

А. Хохряков «Если ничего не происходит», стихи, Череповец, 2002. Тираж 100 экз. В авторской редакции.

Михаил Жаравин «Излучатель», рассказы, Вологда, 2002. Книга безвременно ушедшего писателя вышла в серии «Вологда. 21 век».

Михаил Григорьев «Песни сердца», стихи, Вологда, 2002. Это вторая книжка вологодского поэта, учителя по профессии.

Дмитрий Кайнаров «Стихотворения», Вологда, 2002. Талантливый автор, погиб, ушел безвременно. Автор предисловия Вера Попова.

Виталий Новоселов «Конь последний» (неизвестный Борис Савинков), повесть, Вологда, 2000. В конце — автобиографические заметки Новоселова.

Татьяна Лавтакова «В свободном полете», стихи, Сокол, 2002. Первая книга поэтессы. Художник — Анна Мисина.

Н. Усанов «Другие десять рассказов», 2002. Вторая книжка талантливого сокольского прозаика. Тираж — 100 экз.

Э. Риммер, М. Бородулин «Иван Андреевич», Череповец, 2001. Второе издание очень интересной, хорошо иллюстрированной книги о городском голове И. А. Милютине (1829–1907).

«Угор Бобришный», литературный газетный альманах, выпуск 8-й, г. Никольск. Выпуск посвящен А. Яшину. Авторы номера — Муза Береснева, Борис Чулков, Александр Сушинов и др.

«Автограф», № 19, Вологда, 2002. В номере — стихи Ю. Максина, А. Дубинина, А. Русанова, Г. Швецово и др. Избранное Д. Кайнарова и О. Кузнецовой. Статья о художниках г. Сокола. Окончание романа В. Белкова. Графика Анны Мисиной.

Короткая проза

Александр ГРЯЗЕВ

ВЕЧЕРНИЕ РАЗГОВОРЫ

Дом деда моего Александра Дмитриевича Кузнецова был срублен им из двух изб, и одним из ярких воспоминаний детства осталось у меня воспоминание о переселении нашей семьи дважды в году из одной избы в другую

Где-то в середине мая, когда на улице устанавливалось постоянное тепло, мы переносили в летнюю половину, вымытую и прибранную бабушкой и мамой, необходимые вещи: стол, стулья, кровати.

У летней избы «по лицу» было пять больших окон, выходивших на южную сторону, да еще по одному на западную у печи и на восточную у крыльца. Надо ли говорить, что вся изба была полна света и солнца, которое от восхода и до заката находилось в доме. Такими вот — из зимы в лето — и остались в памяти эти переселения в мае.

С наступлением осенних холодов мы вновь перебирались в зимнюю половину нашего дома. Она была поменьше летника и с маленькими же окнами с двойными рамами на север, отчего в избе было темнее, но зато тепло и уютно. Часть избы занимала широкая русская печь, кирпичи которой хранили жар в любое время дня.

С этим временем связаны мои детские воспоминания о долгих осенних и зимних вечерах, когда на улице темнело рано, и так же рано зажигалась на столе керосиновая лампа. Как сейчас вижу бабушку Прасковью за прялкой или ткацким станком, что-то вяжущую спицами мать и деда, читающего газету у самой лампы. Но особенно запомнились те вечера, когда к нам на огонек приходил кто-нибудь из соседей или родственников, и начинались в избе вечерние разговоры.

Тогда вообще было принято ходить друг к другу на посиделки или «на беседы», как тогда говорили. Время было военное, отцы наши находились на фронте и чаще всего приходили к деду соседские старики: дед Алексей, дед Иван, Герасимыч, дядя Фёдор. Моё место во время этих вечерних бесед — на печи или полатах. Старики сидели обычно на передней лавке, но «смолить» махорку шли всегда к порогу: курить в передней половине считалось неприличным. Не спеша они сворачивали «козьи ножки», доставали кисеты с крепким самосадом, высекали огонь кресалом и так же неторопливо вели разговоры. У всех стариков сыновья были на войне и разговор, конечно, шел о последних фронтовых событиях, о «германце», с которым они, солдаты первой мировой, воевали еще в четырнадцатом году.

Если же к нам приходили женщины, то в эти вечера обычно читались вслух письма с фронта или от родных из городов. Подробностей этих вечерних бесед я, конечно,

но, не помню, но помню, что много говорилось о разных житейских случаях и историях. О, сколько я слышал тогда устных рассказов и целых повестей! Сколько говорилось интересных слов. Мыслей, поговорок, которые сами стоили целого рассказа.

Немногие из наших односельчан, ушедших на войну, возвратились домой. Большинство их осталось навек в чужой стороне. И если случалось, что кто-нибудь из вернувшихся фронтовиков заходил вечером к нам, то разговор обычно шел о фронтовой жизни, которая в них продолжала существовать еще долгие годы. Я хорошо помню эти рассказы. В них была такая правда о войне, какой я до сих пор почти не встречаю в книгах...

Давно ушли те времена и многих людей, что приходили к нам тогда уже нет на этом свете. Ещё при жизни деда перестроен наш старый дом. Давно нет тех вечерних разговоров, но память о них жива. И, вспоминая вечера своего детства, я иногда сам иду на огонек к кому-нибудь из своих друзей, а двери моего дома открыты для всех, кто захочет прийти ко мне для вечернего разговора.

СТАРЫЙ ДОМ

Однажды во время своего очередного грибного похода я набрел на незнакомую мне и, как видно, давно заброшенную деревню. По заросшей густой травой, а кое-где даже и мелким кустарником, дороге я подошел к домам, где первым встретил меня старый с виду, но хорошо еще сохранившийся пятистенок. Он стоял на краю покинутой деревушки в самом начале ее единственной улицы, по сторонам которой двумя рядами теснились его собраты с окнами, забитыми досками и оттого похоже на слепцов с повязками на глазах.

Тихо, безлюдно было на деревенской улице и я с трудом представлял себе сейчас, что может быть не так уж и давно такое же как и сегодня утро начиналось здесь голосами петухов, звоном подойников, веселым перестуком пастушьей «барабанки», мычанием коров, приветствиями хозяек-заботниц и прочими звуками деревенской жизни. Так было здесь по будням, а о праздниках и говорить нечего. С самого утра деревня жила ожиданием гостей, а потом, когда праздник выходил из домов на улицу, то до самого позднего вечера не стихали на ней весёлые звуки гармошки, песен, смеха... Теперь же лишь ветер — гулял вдоль заколоченных домов, да шум листвы тополей и берёз нарушал эту грустную тишину.

А дом, перед которым я стоял, всегда первым, как сегодня меня, встречал тех, кто подходил по просёлку к деревне и последним провожал каждого, кто покидал её. Трудно сказать, когда поставили здесь на краю деревни этот пятистенок, но по всему видно, что рубил его хозяин на свой век и будущий. Самые нижние венцы сруба, сложенные из смолистых сосновых бревен, казались еще крепкими и надежными, и мне подумалось, что начал умирать он намного раньше положенного ему срока. Окна дома почему-то не были заколочены, стекла в рамах выбиты и смотрел он на улицу словно пустыми темными глазницами, отчего вид его казался еще более грустен.

Мимо покосившейся и висящей на одной петле дверце я поднялся по ступенькам крыльца. Когда-то по ним же вводил в дом свою родню хозяин, вдыхая запах свежих сосновых бревен и радуясь делу рук своих, срубивших эту хоромину. Теперь же невольно вспоминалась верная поговорка, что без хозяина дом сирота.

По шатким половицам полутемных сеней, куда дневной свет пробивался через дыры в крыше, я подошел к двери избы и отворил ее. Она подавалась тяжело, со скрипом и я переступил через порог.

На меня сразу пахнуло нежилым запахом кирпичей давно не топленной печи и отсыревшего дерева. Я стоял спереді заброшенного жилья и, глядя на разбитый чугунок у печи, рваные ключья обоев, сломанный стул возле стены, а под ним детскую куклу с оторванными ножками и прочие теперь уже никому не нужные вещи, и, кажется, физически ощущал всегда волнующую нас необратимость явлений жизни — вечную спутницу бытия человека.

Присев на широкую лавку у окна, я увидел под ней исписанный лист бумаги. Чернила от воды расплзлись, но слова разобрать еще было можно и я прочел: «Дорогие тятя и мама! В первых строках нашего письма сообщаем, что мы живем ничего. Как вы там одни»... Дальше я читать не стал, а, сидя у окна разрушенного человеческого жилья вспоминал тех людей, которые чуть ли не с восторгом говорили мне при встрече о числе снесенных российских деревень в нашем краю и сколько их «бесперспективных» еще снесут. Они говорили об этом с воодушевлением и радостным блеском в глазах и, очевидно, совсем не понимали, что восторгаться разрушением и уничтожением чего-либо безнравственно и порочно. Кто научил их этому? Неужели они не понимают, что уничтожается не просто деревня, а стирается с лица земли целая культура. Даже две — культура природы (ведь дома и сараи, огороды и пашни, луга и мельницы на реке — часть природы нашей) и деревенская человеческая культура с ее вечным кругом забот, с буднями и праздниками сельской жизни, когда что ни деревня, то свой обычай, свои слова, своя песня....

...В сенях что-то упало и этот звук заставил меня вздрогнуть. Наверное отвалилась какая-нибудь доска, висевшая на ржавом гвозде или рухнул подгнивший столб на дворе. Казалось, что вовсе не дом, а человек умирал на моих глазах, а я ничего для него не мог сделать. От этого мне стало как-то не по себе. За окном ярко светило солнце, и я поспешил выйти на улицу.

Юрий МАКСИН

ЛИМОН — НЕ АНАНАС

Увидев, что ем дольки лимона вместе с корочками, моя приятельница спросила, почему я так делаю.

По этому поводу вспомнилась забавная история из советских времён, которую рассказал мне московский знакомый Витя Бобров.

Когда ему было семь лет, пошли они с мамой в гости к знакомой художнице. К их приходу в центре стола в красивой тарелке лежал нарезанный ананас. Все остальные продукты, окружавшие диковинный фрукт, Витька уже видел и пробовал раньше.

— Крошка, поешь ананасика, — пропихала хозяйка, — а мы с мамой посекретничаем. — И обе дамы удалились в соседнюю комнату.

Когда они вернулись, на столе все стояло по-прежнему, только ананас бесследно исчез. На тарелке лежала лишь зелёная колючка, сильно помятая молодыми Витькиными зубами.

— Витенька, куда же ты дел корочки от ананаса, — спросила испуганная мамаша.

— Ка-а-ки-е ко-роч-ки?

— Вот это мужчина! — восхищённо взвизгнула модная тогда художница...

Времена сейчас другие. Моя приятельница, к сожалению, картин не пишет. И зубы у меня не те, что у Витьки Боброва в семь лет.

В общем, лимон — не ананас.

НЕ СТАНЕТ ОН ИМ СВЕТИТЬ

Провинциальному писателю В. приснилось, что он — Данко. В кромешной темноте обступившие его люди жалобно молили:

— Данко, вырви своё сердце! Освети нам путь...

— Не стану я вам светить! А идите вы на ...! — завопил, заметавшись во сне, провинциальный писатель.

Его дикий вопль и случайный удар головой в стенку разбудили мирно спавших соседей.

Терпению обывателей тоже приходит конец. Сон писателя стал последней каплей, переполнившей чашу. Наутро соседи подали заявление в суд — за то, что писатель «мешает спать».

Александр ДУБИНИН

«ДНЕВНИК КОЛИ БРЮКИНА»

Чертova свитка

Следующее дело стряслось зимой в лютые морозы, когда каждая бельевая веревка толщиной с канат, а каждый шаг слышать за полкилометра. Проснулись мы с Юркой часа в три ночи. Дома дубак, ладно хоть дрова в печке приготовлены зара-

нее. Затопили. Хвать-похвать, а курить-то нет ничего. Даже клятых чинариков не нашли. Загрустили похмельно. До утра долго. Уснуть неумоготу. Так сидеть тошно. Юрка решился. Пойду, говорит, на улицу. Может, у кого стрельну. Кто в такую холодину по улицам ходит. Однако ушел. И как пропал. Я уж решил, что «Истребитель танков» в казарму подался. Печка внутри вся белая от жару. Я отодвинулся подальше, греюсь издалека. Даже курить вроде бы неохота и так хорошо! Слышу, топает мой приятель, снег проскрипел под окном. Точно. Врывается и сразу к печке. Ну, думаю, замёрз. Ведь вспыхнет, бес этакий! А он в топку фуфайку какую-то затолкать пытается. Господи, и не фуфайку, а китель милицейский, вместе с погонями и со значками. Жар окаянный не дает близко подойти. Юрка пляшет около печки. Этим самым кителем от жара закрывается... — Стой! — кричу. Ты, что, гад, милиционера замочил, что ли? Оказалось не убил, а раздел. Тоже, думаю, ничего! Лет пять, как минимум схлопочем. Ну и дурак ты, Юра. Одежку ментовскую у него вырвал. Рассказывай, говорю, сначала. — Спят они, пьяные оба... менты в дежурке. Будил, не разбудил. Нашел у них пачку «Новости», а потом интересно стало. Говорю одному: — Подними руку... Он поднял. Я с него рукав стянул. Таким чередом и вторую руку освободил, будут знать, как в вытрезилровке по карманам нашим шарить, да мужиков без зарплаты оставлять!.. И снова к печке суется с мундиром этим. Вот, что говорю: — Неси эту чертову свитку обратно, брось к ним в коридор. Утром спяна сами не разберут, что к чему. И тут Юрка струсил, до зубного стука струсил. Не идет ни в какую. Давай лучше сожгём и все тут! И тут меня осенило. Повесь эту штукину под окно милиции на березу. Одна нога здесь, другая там. Так и сделали. Печку протопили. Чаю напились и спать легли. Встали в десятом часу только. Светло уже. В столовой как в парной — сыро, хоть и не жарко. У входа мент, а в зале целая толпа... Мужики чинные сидят. Никто не шумит и не курит. Взяли и мы пивка, присели тихохонько... пьем значит. Рядом столик, две кумы шепчутся: мой с дежурства... а на березе пиджак с погонями, ..ихний и медальки висят... заиндевел весь, а медальки звенят...

Переводы

Александр РУСАНОВ

ИЗ ДЖЕЙМСА ДЖОЙСА

Сгущается вечерний свет —
Совсем как аметист,
Фонарь в аллее меж дерев
Мерцает — золотист.

Старинный слышится рояль —
Любви звучит мотив.
По клавишам скользит она,
Головку наклонив.

А руки сами по себе.
А взор печален, чист.
Всё гуще сумеречный свет —
Совсем как аметист.

Когда печальна и стыдлива
На небо звёздочка взойдёт,
Услышь того, кто так красиво
У твоего окна поёт,
Чей голос услаждает дол...
К тебе он в сумерки пришёл.

Расстанься с грустной мечтою!
Не думай: кто тебя воспел
И кто вечернею порою
Так сердце взволновать сумел!
По песне, сложенной в раю —
Узнаешь: я тебе пою.

Льёт золотом в окне
Твой каждый волос.
Я слышу при луне
Весёлый голос!

Нет, книгу не читать,
Не спать отныне —
Лишь только наблюдать
Огонь в камине...

Оставил книгу я,
Из дому вышел —
Туда, где песнь твоя,
Где пенье слышал.

Как сладок при луне
Весёлый голос!
Льёт золотом в окне
Твой каждый волос.

Моя любовь идёт по саду,
Меж яблонь, в белом платье,
И ветерки вокруг ей рады
Дарить свои объятья.

И где они, найдя забаву,
Забудутся в сирени.
Она заходит тихо в травы,
К своей склоняясь тени.

Где неба чаша голубая
Над радостной землёю —
Она идёт, легко ступая,
Подол держа рукою.

* * *

Ветры весёлые Мая!
В море кружащая стая!
Перелетая с волны на волну,
Пену вздымая с собой в вышину,
Аркой блестя в небесах серебристой, —
Вы не нашли моей девушки чистой?
Ветрам вослед
Шлю я привет!
Плохо, когда моей девушки нет.

* * *

От сладких грёз восстань, душа, —
От снов любви и смерти снов!
Гляди: деревья чуть дыша,
Об утре шепчутся без слов.

Уже торжественно восток
Зарёю нежною горит
И золотистый лепесток,
Как паутинка, весь дрожит.

Цветов волнуется узор,
Блестит в венчиках роса,
И ангельский вступает хор
На все лады и голоса!

* * *

В долине свежесть и прохлада...
Любимая! — для нас
Там не смолкает серенада
Любви в волшебный час.
Дроздов ты слышишь это пенье? —
Туда они зовут!
Пойдём, любимая, в забвенье —
В долину, где нас ждут.

ВСПОМИНАЯ УЧИТЕЛЯ...

... Никогда еще не писала воспоминаний. Читать — читала, а вот пишу — впервые!..

Знакомство началось с его стихов, уже в пединституте. В кабинете литературы был стенд с фотографиями писателей и поэтов-земляков. Естественно, своей оригинальной внешностью выделялся Коротаев. Я с удовольствием читала его новые стихи — чаще всего они публиковались в «Вологодском комсомольце». В редакции этой газеты впервые увидела поэта «живьем», когда заглянула в гости к знакомому корреспонденту. Было лето, и Коротаев буквально ввалился в кабинет — шумный, веселый, в распахнутой рубахе... Шел, если не ошибаюсь, 1972 год.

Наша вторая встреча состоялась лет через десять, когда я переехала на жительство в Вологду и стала посещать литературное объединение «Рифма» при «Вологодском комсомольце», которым стал руководить Виктор Вениаминович.

Вначале я сидела в сторонке, присматривалась. Многих (хотя и начинающих) авторов поэт знал лично, с мужчинами здоровался за руку, вел какие-то только им понятные беседы, а женщины такой чести почти не удостоивались.

Принцип работы литобъединения был прост: рискнувший подвергнуть разгрому (реже — одобрению) свои творения представлял рукопись в нескольких экземплярах. Наш староста Вячеслав Белков, известный уже как исследователь творчества Николая Рубцова, передавал «кружковцам» рукопись для чтения, а затем начиналось самое «страшное».

Высказывались все, кто читал. Получалось так, что я знакомилась с каждой рукописью (предусмотрительный староста не обходил вниманием мою скромную персону), и приходилось хотя бы несколько слов сказать на каждом нашем собрании. Догадываюсь, какую я иногда говорила чушь, но Коротаев никогда не позволял себе возражать выступающим, а в заключительном своем слове давал нам понять, где мы были неправы.

В конце концов дошла очередь и до меня... Разгромили тогда, помню, основательно. И Виктор Вениаминович был довольно прямолинеен в своих оценках. Конечно, я знала, что пишу не очень хорошо, но что так плохо!..

Шла домой и думала: «Не буду больше писать!» Но тут же вспоминались слова Коротаева: «Да хорошие у тебя стихи!».

— Так почему же Вы так много их критиковали?

— А я хочу, чтобы ты еще лучше писала!

Позже я поняла, насколько он был прав! Есть у меня стихотворение «Ты не пришел и даже не звонил...». Очень удачной казалась мне строчка: «Ночь, будто склянка пролитых чернил».

«Пролитых — это уже не склянка», — заметил Коротаев... Так появилось: «Ночь, будто склянка, полная чернил». В стихотворении «Вот опять знакомая река...» последняя строфа начиналась так: «Целый час на пристани стою...». «Ты же прощаешься с любовью, не дождавшись катера, а замечаешь, сколько времени это продолжается, — приговор Коротаева. — Разве в такие мгновения думают о времени?»

«Сколько ж я на пристани стою?...» — после замечания Виктора Вениаминовича.

И таких примеров можно привести множество. Он учил нас видеть огрехи в своих стихах, а это несравненно сложнее, чем анализировать стихи других. Ненавидел отступления от норм русского языка, безграмотным в этом плане авторам советовал учиться, больше читать. Прозаикам тоже доставалось, но я тогда в тонкостях прозы не была сильна, поэтому примеров привести не могу.

«Рифма» была лично для меня отдушиной, где я могла пообщаться с единомышленниками, выслушать непредвзятое мнение о некоторых стихах еще до их обсуждения, познакомиться с новыми людьми. Достаточно сказать, что именно на литобъединении я встретила своих бывших «собратьев» по пединституту, но теперь уже в новом «качестве» — прозаиков и поэтов. Это А. Цыганов, В. Белков, А. Драчев, М. Карачев — теперь уже признанные авторы.

Вне литобъединения мы встречались только случайно, на улице. Коротаев всегда радостно и шумно приветствовал, целовал руку, а прохожие, узнававшие поэта, с любопытством смотрели, кто это удостоился столь изысканного приветствия...

Единственный раз мы общались дольше, когда в середине 80-х годов ездили в гости к череповецким авторам. Хорошо помню, что это было в понедельник, после Пасхи. Мы собирались у бокового входа в здание бывшего обкома партии на ул. Пушкинской. Маститые авторы появляться не торопились... Коротасев прибежал одним из последних, бросил портфель на ступеньки и со словами: «Надя, присмотри, а то украдут, не вспомнишь, что и написал», — скрылся за дверью.

До Череповца мы ехали около пяти часов — с остановками, задушевными разговорами... В автобусе мы с Ларисой Мокшевой сидели позади Виктора Вениаминовича, и он всю дорогу рассказывал о тех писателях и поэтах, которых уже нет в живых. Запомнился его рассказ об Александре Яшине, о его любви к Веронике Тушновой, о ее смерти, об уходе из жизни самого Александра Яковлевича. Для меня эти детали были откровением, ведь такого не было в воспоминаниях о Яшине, а если и было, то затерялось в потоке иной информации...

Как-то я подумала, что вижу Коротасева часто, а у меня до сих пор нет его автографа. Прихватила на одно из литобъединений сборник его стихов и после заседания подошла.

— Наконец-то Надя Шилова собралась взять у меня автограф, — резюмировал наш руководитель и написал пожелание, которое теперь, по прошествии почти двадцати лет, кажется мне глубоко символичным: «Милой Наде Шиловой на добро и будущую Работу. Нежно — Коротасев. 27.12.1983».

1996 год. Я шла с автобуса на работу, а он торопился в «Белый дом». Тогда Виктор Вениаминович руководил газетой «Русский огонек». Пожаловался, что нечем платить зарплату и поэтому он спешит на прием к губернатору. «Стихи приноси!» — сказал он. «Да не пишутся что-то стихи», — ответила я. «Прозу пиши!» — уже на бегу бросил Коротасев.

Это была наша последняя встреча!..

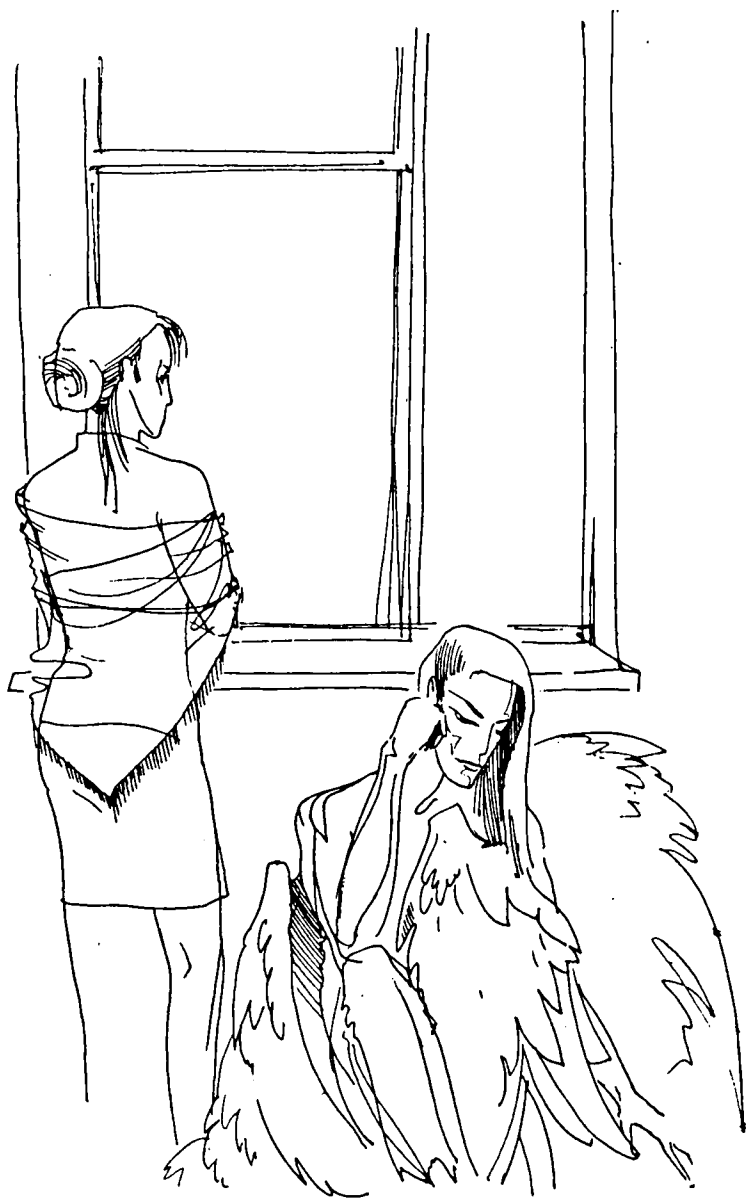
*Надежда Шилова
Апрель 2002 года*

Графика

Любовь ШВЕЦОВА

Талантливая художница Любовь Швецова (Волкова) живет и работает в городе Соколе. Показываем сегодня две ее графические работы — «Ферапонтово» и «Разговор без слов». Желаем Л. Швецовой новых успехов.

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

20

Обществ. совет: А. А. Грязев, В. С. Белков, Ю. П. Малоземов,
Ю. М. Максин, А. А. Пошехонов, А. П. Смолин, М. А. Полётова,
М. А. Григорьев, Н. Т. Бушенев, В. В. Попова, Н. Б. Шилова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции
Перепечатка статей, стихов или их фрагментов только с разрешения редакции

Сдано в набор 26.09.2002. Подп. в печать 22.10.2002
Заказ №485

Вологда
2002

